

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-4-1

УДК 94(47).083

Андрей Николаевич Егоров
Доктор исторических наук, профессор
Череповецкий государственный университет
Череповец, Россия
anegorov65@mail.ru

Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции

Аннотация. Статья посвящена анализу массовых общественных настроений населения Вологодской губернии в период с начала Первой мировой войны и до Февральской революции. Основными источниками служат донесения жандармских и полицейских чинов своему руководству, адекватно отражающие положение дел на местах. Показано, как патриотический подъем первых месяцев войны стал сменяться психологической и физической усталостью от тягот войны и нарушения привычного уклада хозяйственной жизни. Автор отмечает, что появившиеся в годы войны антинемецкие и, в меньшей степени, антисемитские настроения стали грозными признаками обострения социальной напряженности. Рост стоимости и дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости в совокупности с неспособностью центральной и местной властей решить эту проблему толкали население на путь самоорганизации и борьбы. Накануне Февральской революции в широких народных массах росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является царский режим. Участились антивоенные высказывания, часто раздавалась резкая критика в адрес царя и правительства, появились случаи открытого невыполнения распоряжений властей. Весь приведенный в статье материал подтверждает закономерный характер Февральской революции.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественные настроения, Вологодская губерния, жандармы, полиция, политические партии, Февральская революция

Введение

Февральская революция относится к тем историческим событиям, дискуссии о которых будут продолжаться до тех пор, пока существует историческая наука. Большинство российских и зарубежных историков оценивают Февральскую революцию как закономерную, вытекающую из коренных противоречий,

присущих царской России¹. В то же время в последние годы существенное влияние имеют сторонники консервативного подхода, сформулированного еще Г.М. Катковым², полагающие, что объективных причин для свержения монархии не было, а революция произошла вследствие сочетания ряда случайных причин, вызванных временными военными трудностями и деструктивной деятельностью масонов, либералов и прочих противников существующего строя. Для адекватного понимания причин революции необходимо изучить общественные настроения населения Российской империи в годы Первой мировой войны. Данную тему нельзя назвать новой – ее различные аспекты всегда привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных историков³. В последние годы обстоятельно изучены такие сюжеты, как образы императорской семьи в народном сознании, шпиономания, настроения в армии, отношение к подданным враждебных государств и проч.⁴ Регулярно проходят международные конференции и коллоквиумы, посвященные Первой мировой войне, на которых рассматриваются различные проявления общественных настроений населения Российской империи⁵, выходят обобщающие работы⁶. Изучена динамика изменения общественных настроений в ряде регионов страны⁷. Однако, по

¹ Хасегава Ц. Февральская революция // Критический словарь Русской революции / Сост. Э. Актон, У.Г. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014. С. 60.

² См.: Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.

³ См.: Gatrell P. Russia's First world war: A social and economic history. Harlow, 2005; Gatrell P. A whole empire walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 2005; Gaudin C. Ruling peasants village and state in late imperial Russia. DeKalb, 2007; Figes O. A people's tragedy: The Russian revolution 1891–1924. L., 1996; Haimson L. The problem of the social stability in urban Russia, 1905–1917 // Slavic review. 1964. Vol. 23. № 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. № 1. P. 1–22; Haimson L.H. “The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution” Revisited // Slavic review. 2000. Vol. 59. № 4. P. 848–875.

⁴ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

⁵ См.: Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного коллоквиума. СПб., 1999; Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы Международного коллоквиума. СПб., 2017; Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сб. статей. М., 2014; Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: Материалы Международной научной конференции. М., 2014; Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. статей. М., 2014 и др.

⁶ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.

⁷ См.: Балыбердин Ю.А. Нарастание протестных настроений народа в годы Первой мировой войны в Вятско-Камском регионе // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1. С. 39–46; Белов С.Б. Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.).

Вологодской губернии, за исключением отдельных аспектов⁸, такая работа еще не проведена.

В начале XX в. Вологодская губерния являлась рядовой провинцией с преимущественно крестьянским населением. На территории края не было больших городов, крупных заводов и фабрик, высших учебных заведений. Революция 1905–1907 гг. прошла в губернии относительно спокойно. Определенный политический колорит краю придавала лишь политическая ссылка, стоявшая на втором месте в империи после Восточно-Сибирской (недаром ее называли «подстоличная Сибирь»). Сохранившиеся донесения жандармских чинов и полиции о положении на местах в совокупности с материалами местной прессы позволяют проследить общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции.

Основная часть

Воздействие Первой мировой войны на назревание революционного кризиса в России настолько очевидно, что целесообразно проследить реакцию населения Вологодской губернии на начало войны. В принципе, эта реакция ничем не отличалась от других регионов страны – повсеместно наблюдался патриотический подъем, отразившийся как в прессе, так и в донесениях жандармов и полиции. Унтер-офицер Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ), командированный в ноябре 1914 г. в ряд волостей Вологодского уезда с целью проверки «настроения народонаселения», сообщал: «Несмотря на переживаемое время и тяжелое материальное положение крестьянства, настроение такового патриотично и не может иметь сравнение с тем, каковое было в этих волостях в 1905 и 1906 гг.»⁹ В ряде донесений полицейские чины характеризуют настроение местного населения как «повышенно-патриотическое». 18 ноября 1914 г. Вологодская городская дума рассмотрела вопрос об увековечивании имен вологжан, «павших за веру, царя и Отечество». Гласные решили

Взгляд из Нижнего. Н. Новгород, 2008; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; Шапков В.И. Политические настроения сибирского крестьянства в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001; Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015 и др.

⁸ См.: Голикова Н.И. К вопросу о взаимодействии Государственных учреждений и Общественных организаций в годы первой мировой войны (по материалам Вологодской губернии) // Историческое краеведение и архивы: сб. статей. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 133–140; Смирнов И.А. Кирилловский уезд в годы Первой мировой войны // Кириллов: краевед. альманах. Вологда, 2005. Вып. 6. С. 136–156; Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2014 и др.

⁹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 5745. Л. 13 об.

установить во всех храмах Вологды памятные доски с именами вологжан, погибших на фронте, а на территории Богородского кладбища устроить специальный участок для воинских захоронений¹⁰.

Современные исследователи считают искусственными попытки выделить этапы формирования протестных настроений – все военные годы были проявления патриотизма, ропота и недовольства. Соглашаясь с этим тезисом, мы все же подчеркнем, что определенная динамика изменений общественных настроений прослеживается в донесениях жандармов и полиции. Так, во многих документах осени 1915 г. выражения «патриотические настроения» сменяются выражением «спокойное отношение населения к войне». Начинает проявляться усталость от войны и стремление к скорому, но победоносному для России миру. Кадниковский уездный исправник полагал, что хотя отношение крестьян и рабочих к войне за прошедший год «как будто, несколько не изменилось... поворота к миру не замечается, но, видимо, желательно всем скорое окончание войны»¹¹. Из Грязовца сообщали, что крестьяне относятся к войне с «большим вниманием», ждут мира, но только при полном поражении врага¹². С весны 1916 г. жандармы фиксируют, что крестьяне и рабочие ждут мира с нетерпением, но мира почетного.

В начале войны мобилизация в губернии, как и по всей стране, проходила успешно. Как сказано в одном из жандармских донесений, «в 3 призывном участке... среди около 350 человек призываемых ничего предосудительного в политическом отношении замечено не было. Настроение призываемых патриотическое, идут на службу охотно, многие записались добровольцами»¹³. В 1915 г. отношение к мобилизациям стало меняться. Жандармы констатируют: «Крестьяне и остальное население сознают необходимость частых воинских призывов и подчиняются им, хотя и ропщут, что следовало бы взять на войну полицию и стражников»¹⁴. В 1916 г. недовольство мобилизациями стало проявляться открыто. После конской мобилизации, некоторые из крестьян говорили: «Все еще было терпимо, а ныне забрали людей и лошадей, придет лето, некому будет обрабатывать землю, да и не на чем»¹⁵.

С весны 1915 г. жандармы начинают фиксировать появление антивоенных настроений. Так, крестьянин одной из деревень говорил, что «немцы богаты и у них много золота, а у нашего правительства нет денег, у немцев много силы,

¹⁰ Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2006. С. 135.

¹¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 24.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5745. Л. 26 об.

¹⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 7, 79.

¹⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5872. Л. 79.

нашим войскам их никогда не победить и лучше бы русское правительство за-благовременно просило у немцев мира». Другой крестьянин «ругал Государя Императора и говорил, что не нужно солдатам ходить на войну», еще один «порицал распоряжения Государя, и говорил, что не надо бы воевать»¹⁶. По каждому подобному факту жандармы проводили негласную проверку, и при наличии оснований возбуждали официальное дознание. И хотя антивоенные настроения не были массовыми в Вологодской губернии, с начала 1916 г. наблюдается явный рост подобных дознаний. Довольно часто проявления антивоенных настроений стали сопровождаться резкими высказываниями в адрес Николая II и императрицы, чего ранее не наблюдалось. В январе 1916 г. крестьянин А. Абрамовский говорил, что «воевать не нужно; что не для кого воевать и некого защищать; причем позволил себе, заочно оскорбить царствующего Государя Императора, с целью возбудить неуважение к его особе обозвал его «Колькой» и обругал площадной бранью»¹⁷. Антивоенные настроения получили распространение не только в крестьянской среде. В октябре 1916 г. прислуга К. Попова «позволила сказать, что вот скоро солдаты не пойдут на войну, да и не надо идти», говорила, «что скоро будут погромы, будут громить начальство и она присоединится к погромщикам»¹⁸. Провизор земской аптеки К.И. Пильберг в декабре 1916 г. говорил: «дураки же мужики дают правительству деньги, покупая облигации военного займа»¹⁹.

В нашем распоряжении имеются мемуары вологодского крестьянина Д.М. Силинского, работавшего юношей в 1916–1917 гг. писцом волостного правления. Написанные в 1965–1966 гг. для местного краеведческого музея (по всей видимости, к 50-летию юбилею Октябрьской революции), они несут на себе определенные штампы советского времени, но, тем не менее, довольно подробно показывают крестьянские настроения накануне Февральской революции. По воспоминаниям Силинского, открытое и скрытое недовольство войной стало все больше проявляться с 1916 г., особенно в женской среде. В годы войны жены призванных на фронт солдат получали от государства пособие на нетрудоспособных членов семьи. Однако в условиях постоянно растущих цен это пособие «совершенно теряло свое значение». Были нередкими случаи, когда «солдатки и старики, лишенные кормильцев, приходили к волостному старшине с требованиями принять меры к возврату их мужей и сыновей с фронта». Кроме того, в деревню стали массово прибывать с фронта искалеченные солдаты, которые «не по-газетному», как вспоминал Силинский, рассказывали о по-

¹⁶ Там же. Л. 72, 79.

¹⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6002. Л. 62.

¹⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5990. Л. 187.

¹⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5983. Л. 138.

ложении и настроениях на фронте и в госпиталях: «и уже не боялись солдатики говорить открыто, что война мужикам не нужна». Антивоенные разговоры происходили на сельских сходах и в разговорах мужиков друг с другом. Эти разговоры «доставляли уже немало хлопот полицейскому уряднику, каждую неделю доносившему о настроении крестьян становому приставу в Тарногский Городок. Но ликвидировать такие разговоры среди крестьян он уже не имел возможности»²⁰.

Жандармские документы показывают неоднозначность отношения различных групп населения к войне. Так, в октябре 1915 г. помощник начальника ВГЖУ докладывал, что часть крестьянского населения находится на заработках в городах, где «в виду недостатка работников, им представляется возможность назначать заработную плату по своему желанию, а работодателям только соглашаться с ними; благодаря этому обстоятельству, многие из крестьян сделали денежные сбережения... они, поэтому сознают, что причиной увеличения их благосостояния является война, на длительность которой они не ропщут». Другая часть крестьян понимает, что «враг силен и война скоро окончится не может, хотя и были единичные лица, высказывавшие свои взгляды против ведения войны, но с ними крестьяне не соглашались и о таких лицах доводили до сведения местных властей»²¹.

В октябре 1915 г., суммируя информацию из всех уездов, начальник ВГЖУ докладывал в Департамент полиции: «Настроение крестьян и рабочих в данное время спокойное и в большинстве – патриотичное, в населении преобладает твердое желание довести войну до победы над врагом, поэтому, несмотря на громадные тяготы, связанные с мобилизацией, оно, в сознании необходимости, достойно переносит частые призывы, из коих только призыв ратников 2 разряда прошел несколько болезненно»²². По его наблюдениям, антивоенные прокламации РСДРП и агитация политссыльных среди рабочих Вологодских железнодорожных мастерских, успеха не имели.

Уже с декабря 1914 г. в документах жандармов и полиции фиксируются случаи уклонения от службы. К 1916 г. они стали настолько массовыми, что стали оказывать влияние на общественные настроения. В октябре 1916 г. помощник начальника ВГЖУ писал о «сильном неудовольствии» населения лицами, «уклоняющихся от призывов, как путем членовредительства, так, главным образом, устройством разными способами на должности, освобождающие

²⁰ Силинский Д.М. Сквозь времени туман. Воспоминания о далекой юности // У Спаса на погосте. История северной деревни. Вологда, 2002. С. 85–86.

²¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 6.

²² Там же. Л. 16.

от призыва, причем о таких лицах со стороны населения поступают обыкновенно заявления»²³.

В августе 2014 г. Николай II распорядился прекратить продажу водки на все время войны. Как отмечают исследователи, в первое время сухой закон поддержало подавляющее большинство россиян²⁴, что подтверждается материалами Вологодской губернии. В одном из жандармских донесений сказано: «со времени прекращения винной торговли всякого рода преступления значительно уменьшились, и этим, как видно, очень довольны все население»²⁵. Однако со временем введение сухого закона стало давать и свои негативные плоды, главным из которых стало повсеместное распространение самогонварения, зафиксированное полицией уже с ноября 1914 г. В дальнейшем сухой закон стал давать и другие, опасные для властей, результаты. В документах 1916 г. неоднократно отмечаются случаи недовольства крестьян появлением в пьяном виде представителей власти, причем дело было вовсе не в том, что кто-то из них выпил лишнего, а в самом принципе – «они пьют, а нам нельзя».

Одним из проявлений военного времени был рост антинемецких и, в меньшей степени, антиавстрийских настроений, которые проявлялись, прежде всего, по отношению к военнопленным и лицам немецкой национальности. В начале войны отношение к ним еще не было враждебным. Так, в ноябре 1914 г. унтер-офицер ВГЖУ докладывал, что находящихся в Устьсысольском уезде военнопленных (22 человека) местные жители «ничем не притесняют, и никакого знакомства с ними не ведут»²⁶. Однако, по мере ожесточения военных действий, антинемецкие настроения все более усиливались. Причины их роста заключались в представлениях о немецком и вообще иностранном экономическом засилье, зарубежном вредительстве внутри страны, правительственная пропаганда, формировавшая у народа образ врага, а также данные о бесчеловечных методах ведения войны Германией, поступавшие с фронта с осени 1914 г. Сольвычегодский уездный исправник писал осенью 1915 г., что отношение к немцам враждебное и «озлобленность к ним все прогрессирует», поскольку «почти не имеется таких лиц, у которых не были бы мобилизованы близкие, родные и озлобление более обостряется по прибытии в селения раненных воинов, в особенности разрывными пулями»²⁷.

²³ Там же. Л. 268.

²⁴ Артур М.К. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914-1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquiuma. СПб., 1999. С. 154.

²⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5745. Л. 25.

²⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5745. Л. 25.

²⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 22.

Помощник начальника ВГЖУ докладывал о неприязненном и враждебном отношении населения к лицам немецкого происхождения, находящимся на государственной службе и занимающим видные должности²⁸. Именно им население приписывало все неудачи на фронте. До войны в Вологодской губернии был ряд торговых и промышленных заведений, принадлежащих германским подданным (пивоваренный завод в Великом Устюге и проч.). С началом войны владельцы этих заведений стали благоразумно принимать русское подданство, против чего высказывались вологжане, предлагавшие забрать эти предприятия в пользу казны²⁹. Повсеместным явлением стали требования увольнения лиц немецкой национальности с занимаемых должностей и распространение слухов о них, как о потенциальных шпионах.

Антинемецкие настроения смыкались с патриотическими и вырастали на их почве. Осенью 1915 г. в Вологде была расклеена листовка следующего содержания: «Когда же Вологда избавится от немца Фукса (вице-губернатор – А.Е.), неужели ему мало скандала и предупреждения в театре, когда кричал народ «долой Фукса, долой немца». Жаль, что живым выпустили, давно пора задушить подлеца немецкого шпиона так как на правительство надежды мало... Да еще у нас немец Миллер, жандарм и про этого подлеца все знают, что он шпион, да все боятся как жандарма. Долой немца Фукса! Долой жандарма Миллера! Пора нам самим приняться за чистку матушки России!»³⁰. Жандармы не нашли авторов листовки, но судя по стилистике текста, это были лица, близкие к Союзу русского народа, проявлявшие определенную активность в годы войны³¹. Примерно в таких же выражениях они требовали в 1906–1907 гг. очистить «Матушку Россию» от революционеров, либералов и евреев. Однако не нужно думать, что антинемецкие настроения исходили только из правых кругов, – они охватили значительные слои населения. Кадниковский уездный исправник писал: «я нередко слышал рассуждения крестьян о том, что если бы торговля спиртными напитками не была прекращена, то они с немцами поступили бы так, что их внутри России очень мало бы осталось»³².

О том, как легко антинемецкие настроения перерастали в межнациональные конфликты, свидетельствует инцидент в Тотьме в январе 1915 г. Согласно донесению унтер-офицера ВГЖУ, призванные по мобилизации ратники побили

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Л. 42.

³⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 18.

³¹ Подробнее см.: *Егоров А.Н.* Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1 (46). Т. 2. С. 29–32.

³² ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 24 об.

несколько пленных немцев, австрийцев и германских подданных, объяснив это тем, что «немцы находились в слабом надзоре и имели большую свободу»³³. Вместе с пленными досталось и поднадзорному горцу, которого мобилизованные приняли за немца. На следующий день поднадзорные горцы в ответ на избивание соотечественника пошли «разбираться» с мобилизованными. В итоге произошла большая драка, в ходе которой один горец был убит, а еще двое скончались в больнице. Подоспевшая полиция не стала связываться с мобилизованными и без особого разбирательства просто арестовала всех горцев.

В 1915 г. отступление русской армии вызвало эвакуацию значительного числа евреев из губерний черты оседлости в различные регионы страны, что привело к росту антисемитизма. В Вологодской губернии до войны антисемитских настроений почти не наблюдалось, поскольку евреев было очень мало, а в некоторых уездах их не было вообще. Поэтому по донесениям полиции отношение населения к евреям чаще всего определялось словами «безразличное» и «безучастное». В 1915 г. еврей-беженцы появляются в губернии, к чему, в большинстве случаев, население отнеслось без каких-либо предрассудков. Начальник ВГЖУ докладывал в Департамент полиции, что отношение к евреям-беженцам такое же, как и к христианам³⁴. В то же время, в тех городах, которые располагались на железной дороге (Вологда, Грязовец), евреев стало заметно больше, что привело к росту антисемитских настроений. Грязовецкий уездный исправник докладывал: «Общее настроение населения к евреям не благожелательное, при собрании сведений на предмет размещения беженцев в уезде, приходилось выслушивать просьбы «не присылайте к нам только евреев»³⁵. Причины антисемитских настроений жандармы видели в массовом уклонении евреев от службы в армии, необоснованном повышении цен на продукты первой необходимости еврейскими торговцами и усилении влияния евреев в провинциальных городах. Например, по сведениям жандармов население Вологды жалуется на «еврейское засилье вообще, и в частности на скупку в последнее время евреями домов»³⁶. Речь шла о политике заселения евреями всех доступных местностей, которую проводил Петроградский еврейский комитет помощи беженцам, депутаты которого неоднократно посещали Вологду.

Один из серьезных вопросов: насколько велико было влияние политических партий на назревание революционного кризиса в годы войны? Не нужно пояснять, что деятельность всех политических партий дореволюционной России, особенно левых, находилась под постоянным контролем жандармов. В годы

³³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5872. Л. 7.

³⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 17.

³⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 32 об.

³⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 130. Л. 28.

войны этот контроль только усилился. Как рапортовал начальник ВГЖУ в Департамент полиции, «все лица, навлекшие на себя подозрение, зарегистрированы, за ними ведется наружное и внутреннее наблюдение»³⁷. Организованных ячеек революционных партий в Вологодской губернии не было, но отдельные представители РСДРП и ПСР и лица, им сочувствующие, имелись. Опорой вологодских социал-демократов было общество «Просвещение» – культурно-просветительская организация, объединявшая более 200 чел., по преимуществу рабочих разных производств и профессий. Общество организовывало лекции, литературные чтения, концерты, экскурсии для рабочих. По приглашению правления общества в Вологду приезжали с лекциями многие столичные ученые и деятели культуры. Сторонники эсеров ориентировались на Вологодское общество сельского хозяйства (ВОСХ), сыгравшее огромную роль в развитии кооперативного движения в крае. По донесениям жандармов, «легальными собраниями названных обществ агитаторы пользуются для насаждения своих верований, туда же доставляются случайно полученные из Петрограда прокламации»³⁸. В то же время, в 1915 г. жандармы еще не усматривали в деятельности представителей революционных партий большой опасности, полагая, что рабочие «к восприятию агитационных воззваний, за малым исключением, склонности не проявляют, говоря, что теперь не время заниматься политикой, волнения между ними происходят только на почве вздорожания продуктов и недостаточной, по их мнению, расценки работ»³⁹.

В 1916 г. ситуация стала меняться. Секретный агент по кличке «Каменный» (по всей видимости, завербованный рабочий) регулярно докладывал в ВГЖУ об активизации деятельности социал-демократов среди рабочих. В январе 1916 г. рабочие вологодских железнодорожных мастерских и городской типографии организовали социал-демократическую группу, которая поддерживала связь с социал-демократической фракцией Государственной думы и рабочей группой ЦВПК⁴⁰. 1 мая 1916 г. члены группы планировали устроить за городом массовку, а затем собрание рабочих, сочувствующих идеям социал-демократии, но не решились на это из-за опасений арестов. Общие настроения в рабочей среде видны из донесений жандармов: «центральное правительство и представители административной власти рабочим безусловного доверия не внушают, они и население возбуждены против торговцев за их мародерство и винят правительство за неприятие против них и вообще дороговизны надлежащих мер»⁴¹.

³⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 17.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 17 об.

⁴⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 131. Л. 105.

⁴¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 130. Л. 79 об.

Серьезную тревогу властей вызывали различные общественные организации Вологодской губернии (кредитные товарищества, потребительские и кооперативные союзы, культурные, просветительские и сельскохозяйственные общества). Как писал начальник ВГЖУ: «Союзы эти привлекают к себе внимание населения не только как рассадники культуры и материального благополучия, но и как учреждения, объединяющие разрозненные силы»⁴². Историки неоднократно подчеркивали значение легальных организаций, в том числе и кооперативов, для социалистических партий в дореволюционной России⁴³. А. Дикенс полагает, что легальные организации создавали новую политическую культуру, «которая придавала форму новому виду организованного социализма»⁴⁴.

Данный тезис полностью подтверждается на материалах Вологодской губернии. Так, ярким событием общественной жизни стал Областной кооперативный съезд от 8 северных губерний в конце августа 1915 г., организованный Вологодским обществом сельского хозяйства. В организационное бюро съезда, возглавляемое известным эсером С.С. Масловым, входили близкие к революционным партиям лица, а большинство депутатов, по наблюдениям жандармов, относилось к «левому направлению». Председателем съезда стал видный либерал, член ЦК партии кадетов, князь Д.И. Шаховской, сыгравший в годы войны огромную роль в развитии кооперативного движения и усилении его роли в общественно-политической жизни страны⁴⁵. Во время работы съезда вице-губернатор не раз прерывал выступления левых депутатов, выносил им предостережения за попытки поставить политические вопросы. В конце работы съезда Д.И. Шаховской зачитал общеполитическую резолюцию, выражавшую требования и пожелания съезда. Текст резолюции в архиве не отложился, но ее содержание мы знаем в изложении члена ЦК кадетской партии А.С. Изгоева: кооперативный съезд требовал «свободы союзов, всеобщего избирательного права, ответственности министерства и т.п.»⁴⁶ Для легального съезда это было уже слишком, и когда Шаховской поставил резолюцию на голосование, вице-губернатор объявил съезд закрытым.

⁴² ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 16 об.

⁴³ См.: Swain G. Russian social democracy and the legal labour movement, 1906–1914. London, 1983.

⁴⁴ Дикенс А. Легальный путь к революции: Потребительская кооперация и свержение царизма (случай Красноярска) // Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного коллоквиума. СПб., 2017. С. 64.

⁴⁵ Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. С. 238–239.

⁴⁶ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 168.

Вологодская пресса отмечала, что съезд прошел с «громким подъемом», а многие крестьяне впервые увидели и осознали всю важность и значение организации: «Они сознали и не могли не сознать, что бороться за лучшее будущее можно только, организовавшись». Газета приводила речь одного из крестьянских депутатов: «все, что я увидел и услышал на съезде, так на меня подействовало, что я чувствую себя страшно взволнованным... Здесь я понял, что мы, маленькие люди, сплотившись, организовавшись, представляем силу, для которой нет ничего невозможного. Это сознание вливает в меня бодрость и заставляет напрягать силы в работе на благо родины и хорошего будущего, в которое я верю сейчас»⁴⁷. О том, как идеи кооперативных съездов распространялись в глубинке, говорит жандармское донесение о крестьянине А. Никитине, который на собрании членов общества потребителей произнес речь «по поводу той пользы, какую приносят кооперативные общества, высказав, что в настоящее время при нашей государственной разрухе этой пользы достигнуть нельзя, так как рабочий народ у нас находится в оковах не одно столетие и хотя освобождение от крепостной зависимости состоялось, но народ до сего времени находится в рабстве»⁴⁸.

30 августа 1915 г. Вологодская городская дума устроила банкет для членов кооперативного съезда, на котором присутствовало до 500 человек. За «чашкой чая» произносились оппозиционные речи, а в конце была принята телеграмма на имя московского городского головы в поддержку требований Московской городской думы о «необходимости обновления власти призывом к ней людей, пользующихся доверием страны и ответственных перед ней»⁴⁹. На заседании ЦК кадетской партии 5 сентября 1915 г. Д.И. Шаховской так отозвался о настроениях в провинции: «Отсутствие проявлений общественной жизни само по себе еще не означает бессилия страны, а просто невозможность для нее или неумение довести свое отрицательное отношение к реакционному курсу до легальных форм борьбы». Вспоминая поездку в Вологду, он констатировал «громкий рост чувства ответственности каждого за общегосударственные дела и сознания необходимости вложиться в него, но, наряду с этим, и чрезвычайную осторожность попыток вложиться в открытую борьбу». Поэтому на местах «нельзя ждать серьезных волнений и беспорядков»⁵⁰.

Военные трудности привели к естественной активизации рабочего класса. В Вологде наибольшей сплоченностью и организованностью отличались рабочие

⁴⁷ Вологодский листок. 1915. 1 сентября.

⁴⁸ ГАВО. Ф 108. Оп. 1. Д. 5988. Л. 10.

⁴⁹ Вологодский листок. 1915. 1 сентября.

⁵⁰ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 165.

железнодорожных мастерских. Они громко заявили о себе в мае 1915 г., обратившись в городскую думу с требованием включить их представителей в городскую продовольственную комиссию. Рабочие писали: «Уже много месяцев растут цены... наша городская дума можно сказать ничего не сделала... удовлетворяет не нужды потребителей, а интересы торговцев... Зарботки остались прежними, а жизнь подорожала и дорожает. Жить рабочему населению становится невозможно. Необходимо немедленно, сейчас же принять решительные меры»⁵¹. Под заявлением стояло 683 подписи рабочих. Как члены городской думы, так и власти, увидели в этом не только экономические требования, но и политический контекст. На заседании городской думы 2 июня 1915 г. разгорелась бурная дискуссия: часть гласных опасалась усиления влияния рабочих и, соответственно, ослабление влияния «цензовых» слоев. В итоге дума согласилась включить представителей рабочих в городскую продовольственную комиссию⁵².

В марте 1916 г. рабочие вологодских железнодорожных мастерских избрали комиссию из 7 человек для составления и направления в социал-демократическую фракцию Государственной думы петиции о неприятии, по их мнению, со стороны городской управы и губернской администрации, надлежащих мер против возрастающей дороговизны. Одновременно рабочие выбрали делегацию к губернатору из 5 человек для вручения заявления «об устранении от продовольственных вопросов уполномоченного по г. Вологде городского головы Волкова и об осмотре чинами полиции, в присутствии представителей от рабочих, складов местных купцов-торговцев, придерживающих, будто бы, муку ради наживы на ней»⁵³. Тем самым, в рабочей среде зарождались зачатки самоорганизации, вылившейся в 1917 г. в систему Советов.

Военные трудности вызвали вполне естественные ожидания населением перемен после войны. По наблюдениям Вельского уездного исправника, уже осенью 1915 г. крестьяне полагали, что им «своевременно увеличат земельный надел на душу до установленной нормы и что это произойдет по высочайшему повелению после окончания войны»⁵⁴. В октябре 1916 г. помощник начальника ВНЖУ констатировал, что «во всех слоях населения сложилось убеждение, что, так как война приняла характер народной, то народ, по окончании ее, будет вправе требовать от правительства осуществления его вожделений»⁵⁵. Не в этих

⁵¹ Вологодский листок. 1915. 31 мая.

⁵² Вологодский листок. 1915. 4 июня.

⁵³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 130. Л. 12.

⁵⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 35.

⁵⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 17 об.

ли настроениях закладывалась эйфория от падения монархии, охватившая Россию после Февральской революции?

Огромное влияние на настроения населения накануне Февральской революции оказывал рост цен на все продукты и товары первой необходимости. Тема недовольства населением высокой стоимостью проходит красной нитью через все донесения жандармов и полиции своему руководству, а неспособность власти остановить рост цен вызывала вполне естественные антиправительственные настроения. В декабре 1915 г. помощник начальника ВГЖУ сообщал: «Ввиду возрастающей дороговизны жизни на продукты первой необходимости, население к каким-либо мерам правительства против дороговизны стало относиться с недоверием, а к торговцам, повышающим цены на эти продукты, – с озлоблением»⁵⁶. В октябре 1916 г. он же докладывал: «дороговизна растет непомерно, иногда она ничем, кроме алчности торговцев, не вызвана, и цены на некоторые продукты стоят выше столичных. Среди бедноты, даже чиновной, особенно служащих в почтово-телеграфных конторах, раздаются голоса, что лучше идти на преступление, чем видеть голодающую семью»⁵⁷. Начальник ВГЖУ докладывал в Департамент полиции о повсеместном «ропоте населения, что правительство не принимает мер против дороговизны»⁵⁸.

Настроения населения находили отражение в грустных частушках:

«Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни пива, ни вина.
Я тепере понимаю,
Што с Германией война»⁵⁹.

Недовольство ростом цен спровоцировало резкий взлет ненависти к купцам и предпринимателям. Как писал Вельский уездный исправник, крестьяне в дороговизне винят «местных купцов, которые, пользуясь случаем, на все товары набавляют цены»⁶⁰. Суммируя данные по губернии, жандармское руководство констатировало: «Среди крестьян есть слухи, что когда кончится война, то они будут воевать с купцами, так как одной из причин возрастающей дороговизны они считают их»⁶¹. Вряд ли есть смысл пояснять, как эти настроения использо-

⁵⁶ Там же. Л. 53.

⁵⁷ Там же. Л. 17 об.

⁵⁸ Там же. Л. 7.

⁵⁹ Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2006. С. 135.

⁶⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 35 об.

⁶¹ Там же. Л. 139.

вала большевистская пропаганда в 1917 г., обвиняя во всех бедах страны буржуазию, купцов и помещиков.

Накануне Февральской революции на первый план в провинции вышла продовольственная проблема. Ее остроту отразили гласные Вологодской городской думы в докладе по продовольственному вопросу от 19 января 1917 г.: «Положение с каждым днем ухудшается и в ближайшем будущем, когда будут исчерпаны окончательно прежние запасы, грозит голодом со всеми его ужасными последствиями. Если не Вологда, то другие, менее счастливые местности, уже близки к этому тяжелому положению». Гласные уже не верили в возможности правительства справиться с ситуацией. Они полагали, что «предотвратить надвигающиеся бедствие при существовании той правительственной регламентации продовольственного дела, какая действует в настоящее время, представляется невозможным», а поэтому «местные общественные учреждения... должны безотлагательно поднять свой голос и указать центральной власти на всю грозность, с каждым днем ухудшающегося положения продовольственного дела на местах»⁶².

Впрочем, местные власти и без указаний общественности понимали, к чему все идет. Уже с октября 1916 г. в жандармских донесениях появляются по-настоящему тревожные нотки. В обзоре политического положения в губернии осенью 1916 г. начальник ВГЖУ отмечал, что среди населения «замечается некоторое утомление, выражающиеся в ропоте отдельных лиц на призыв последних работников – ратников старших возрастов, на ежедневно растущую дороговизну», а ропот на дороговизну «переходит в ненависть к торговцам, беззастенчиво грабящим покупателей». Городской обыватель «пока бессильно опускает руки, но терпение его не беспредельно». Реквизиции зерновых продуктов производятся, по мнению крестьян, «неравномерно, несоответственно достатку, и в связи с недоборами в этом году хлеба вызывают опасение за благополучное осеменение полей предстоящей весной». Таким образом, «неурегулированность продовольственного вопроса, кажущаяся обывателю несправедливость в деле снабжения продуктами и пристрастность к купцам и землевладельцам не могут укрепить нарождавшегося с начала войны доверия к начальству; в виду сказанного, бесцеремонной критики газет и частой смены представителей высшей власти, население относится к правительству пессимистически, а к членам его, носящим немецкие фамилии, – прямо враждебно, к местным же исполнителям распоряжений центра, в виду их бессилия, – равнодушно». Основную опасность в дестабилизации положения в губернии начальник ВГЖУ видел в приезжающих с фронта воинских чинах и частных лицах, распускавших слухи о

⁶² ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 594. Л. 20.

том, что войска недовольны правительством, и по окончании войны с врагом, начнут войну с тылом. «Вопросы земельный и продовольственный, – заключал он, – настолько близки обывателю, что всякая сплетня на этот счет ловится на лету и идея революции обсуждается, как нечто неизбежное, если не будут приняты экстренные меры к устранению продовольственного кризиса»⁶³.

О том, как близка была народу «идея революции», говорит показательный инцидент, происшедший в Никольском уезде. 21 декабря 1916 г. Утмановский волостной старшина созвал волостной сход для распределения среди крестьян овса, необходимого для армии. Однако крестьяне на сходе заявили, что «овса у них нет и приговор об этом они дать не желают». 24 декабря сход собрали повторно, уже с присутствием местного начальства: земского начальника, уездного агронома и др. Представители власти пытались разъяснить крестьянам постановление министра земледелия о хлебной повинности, но безуспешно. Речь земского начальника прервал крестьянин А.С. Окуловский словами: «У нас овса нет, если можете, так берите семенной, а нам на семена давайте». На эти слова земский начальник сказал: «Ты, рыжий мужик, помолчи». В ответ Окуловский, как сказано в жандармском донесении, «с криком спросил земского начальника: “может, прикажешь выйти”, на что земский начальник ответил: “пожалуй, удались”. Тогда Окуловский закричал: “удалится, так и удалимся. Ребята, пойдем”, и, повернувшись, пошел из правления, а за ним вышел и весь сход»⁶⁴. Тогда земский начальник позвал уездного исправника, но и его вмешательство не изменило ситуацию – сход был сорван, овса крестьяне не дали.

Похожий случай произошел 4 декабря 1916 г. в одной из деревень Яренского уезда. Местные власти собрали крестьян в здании церковно-приходской школы на собрание, посвященное военному займу. Священник Попов, призывая крестьян сдавать деньги на нужды армии, сказал, что кто будет против займа – тот «изменник» и «недостойн называться сыном своего отечества». На это волостной писарь Ф.П. Чукичев ответил: «Я, как местный крестьянин, не позволю так грубо обращаться с крестьянами». Председатель собрания, обращаясь к Чукичеву, заявил, что «теперь не место и не время таким замечаниям». Однако возмутитель спокойствия «продолжал выкрикивать, что он имеет на это право всегда». В итоге крестьяне стали уходить с собрания – подписка на военный заем была сорвана⁶⁵. Проведенное расследование показало, что в 1916 г. крестьяне часто собирались в волостном правлении, читали газеты, обсуждали ситуацию на фронте и в стране, а Чукичев играл в этом далеко не последнюю роль. Он не раз высказывался в поддержку партии трудовиков, в частных бесе-

⁶³ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 272 об.

⁶⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6040. Л. 29 об.

⁶⁵ Там же. Л. 13.

дах старался перевести разговор на политические темы, критиковал деятельность правительства, «указывал на обездоленность крестьян», симпатизировал демократическому образу правления, интересовался газетами левого направления. А особую тревогу властей вызывало большое влияние Чукичева на крестьян⁶⁶. Завершить дознание жандармы уже не успели – началась революция. Случаи подобного рода, хотя и были немногочисленными, показывали нарастание протестных настроений в крестьянской среде.

Заключение

Таким образом, общественные настроения в Вологодской губернии в годы Первой мировой войны претерпели глубокие изменения. Патриотический подъем первых месяцев войны уже с конца 1915 г. стал сменяться психологической и физической усталостью от тягот войны и нарушения привычного уклада хозяйственной жизни. Ярko проявившиеся антинемецкие и, в меньшей степени, антисемитские настроения являлись грозными признаками обострения социальной напряженности. Рост цен и дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости в совокупности с неспособностью центральной и местной властей решить эту проблему толкали население на путь самоорганизации и борьбы. В крестьянской Вологодской губернии это было особенно заметно на примере кооперативного движения, ставшего оплотом эсеровской партии. Накануне Февральской революции в широких народных массах росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является царский режим. Участились антивоенные высказывания, часто раздавалась резкая критика в адрес царя и правительства, появились случаи открытого невыполнения распоряжений властей. Вопреки утверждениям консервативной историографии, либералы, масоны и немецкие агенты никакого отношения к этому процессу не имели. Весь приведенный материал подтверждает закономерный характер Февральской революции, во многом вызванной неспособностью власти решить важнейшие проблемы жизни страны. Трудно не согласиться с начальником ВГЖУ, писавшем в октябре 1916 г. о том, что «идея революции обсуждается, как нечто неизбежное».

Список литературы

1. *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.

⁶⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 6040. Л. 14а об.

2. *Балыбердин Ю.А.* Нарастание протестных настроений народа в годы Первой мировой войны в Вятско-Камском регионе // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1. С. 39–46.
3. *Белов С.Б.* Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.). Взгляд из Нижнего. Н. Новгород, 2008. 180 с.
4. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.
5. Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 208 с.
6. Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2006. 240 с.
7. *Голикова Н.И.* К вопросу о взаимодействии Государственных учреждений и Общественных организаций в годы первой мировой войны (по материалам Вологодской губернии) // Историческое краеведение и архивы: Сб. статей. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 133–140.
8. *Егоров А.Н.* Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1 (46). Т. 2. С. 29–32.
9. *Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. 432 с.
10. *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
11. Критический словарь Русской революции / Сост. Э. Акстон, У.Г. Розенберг, В. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.
12. *Кузьмина И.В., Лубков А.В.* Князь Шаховской: Путь русского либерала. М.: Молодая гвардия, 2008. 362 с.
13. *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
14. Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции / Отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2014. 712 с.
15. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
16. Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 560 с.
17. Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: Сб. статей / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2014. 416 с.
18. *Смирнов И.А.* Кирилловский уезд в годы Первой мировой войны // Кириллов: краевед. альманах. Вологда: Легия, 2005. Вып. 6. С. 136–156.
19. *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 344 с.
20. *Фуллер У.* Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 376 с.

21. *Шапков В.И.* Политические настроения сибирского крестьянства в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 39 с.
22. *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914 – 1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
23. Эпоха войн и революций: 1914 – 1922: Материалы международного коллоквиума / Отв. ред. Б.И. Колоницкий. СПб.: Нестор-История, 2017. 496 с.
24. *Figes O.* A people's tragedy: The Russian revolution 1891–1924. L., 1996. 923 p.
25. *Gatrell P.* A whole empire walking: Refugees in Russia during World war I. Bloomington, 2005. 318 p.
26. *Gatrell P.* Russia's First world war: A social and economic history. Harlow, 2005. 318 p.
27. *Gaudin C.* Ruling peasants village and state in late imperial Russia. DeKalb, 2007. 278 p.
28. *Haimson L.* The problem of the social stability in urban Russia, 1905–1917 // *Slavic review*. 1964. Vol. 23. № 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. № 1. P. 1–22.
29. *Haimson L.H.* «The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution» Revisited // *Slavic review*. 2000. Vol. 59. № 4. P. 848–875.
30. *Swain G.* Russian social democracy and the legal labour movement, 1906–1914. London, 1983. 239 p.